

Андрей Баталов

Храмостроительство в Новодевичьем монастыре в XVI веке: от гипотез к источникам

Статья посвящена критическому осмыслению существующих источников о каменном строительстве в Новодевичьем монастыре в XVI столетии. На их основе делается вывод о том, что единственным каменным сооружением, упомянутым в Русском хронографе под 1550-м годом, является существующий Смоленский собор, переживший частичное обрушение, описанное в этой летописи. Важным свидетельством подлинности летописного известия является запись в Синодике 1705 года, характерная для синодичных поминовений, занесенных в монастырские и соборные Синодики после 1548 года. Вопреки гипотезам, в монастыре кроме каменного собора существовал до середины XVII столетия только каменный трапезный комплекс с храмом Амвросия Медиоланского, а за стенами обители — каменная церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи.

Ключевые слова:

Новодевичий монастырь,
обетное храмоздательство, синодик,
царевна Анна,
царь Иоанн IV.

История строительства XVI столетия в Новодевичьем монастыре представляет предмет многочисленных гипотез и полемических дискуссий. Определенная ясность достигнута благодаря исследованиям последних лет только в отношении Смоленского собора. Подтвердилось мнение о его сооружении не в 1525 году, а также не в 1550-е [39, с. 124; 3, с. 132] и 1560–1570-е годы [17, с. 176], а в конце 1540-х — начале 1550-х годов [4; 30]. История других построек в обители представляется значительно менее определенной. Во-первых, по-прежнему дискуссионным является вопрос о том, какой была первая соборная церковь монастыря, деревянной или каменной. Во-вторых, противоречия возникают в отношении вопроса о строительстве в монастыре около 1550 года, и прежде всего в отношении церкви, в которой, как считается, была крещена, а затем погребена царевна Анна Иоанновна. Достоверности существующих представлений о каменном храмостроительстве в обители в первой половине — середине XVI века посвящена данная статья.

Прежде всего обратимся к начальной истории строительства, не касаясь вопроса о датировке существующего собора 1525 годом, что, как уже было сказано, в настоящее время аргументированно опровергнуто. Все известия в ранних летописях относят создание монастыря к весне 1525 года. В основном они сообщают только о его основании [11, с. 271; 24, с. 45; 27, с. 403], но в ряде источников указывается на главный храм обители, «церковь Одегитрие святей» [47, с. 222], «в ней же храм Пречистыя Богородицы» [46, с. 604]. Большею подробностью отличается Постниковский летописец, известный в единственной рукописи, написанной скорописью середины XVI столетия [48, с. 173]. В предисловии к изданию летописца рукопись датируется 1560-ми годами, на основе водяных знаков по классификации Н.П. Лихачева [41, с. 3]¹. Летописец перечисляет храмы монастыря в статье под 7033 годом:

1 См. также предположительную датировку второй половиной XVI века [44, с. 300].

Тое же весны поставиши Новой монастырь Девичь у града Москвы за посадом близ монастыря святого Савы, а в нем церковь пречистыя богородицы Одегитрия да Произхождение честнаго креста, да Прохор, и Никанор, и Тимон, и Пармена, да теплая церковь святой Амбросей Медиоламский, а вне монастыря церковь Усекновение Ивана Предтечи... [40, с. 15].

Исходя из датировки рукописи, трудно судить о том, описывает ли она монастырь первой половины столетия, или существовавший около 1560-х годов.

Более краткое описание присутствует в Русском хронографе. Он написан скорописью разными почерками XVII–XVIII столетия:

Тоежь весны поставлен монастырь девичь у града Москвы за посадом за Дорогомилowym, близ монастыря святого Савы, а в нем постави церковь Пречистыя Одегитрея, сиречь наставница, да церковь Произхождение Честнаго Креста, а у монастыря церковь постави Усекновения Честныя Главы пророка и предтечи, крестителя Господня Иоанна... [43, с. 520].

Не разбирая в данной статье снова вопрос о сакральной топографии монастыря, о посвящениях приделов собора [4, с. 615–616], отметим, что ни один ранний источник не сообщает о том, какой храм мог быть построен в 1525 году в монастыре, деревянный или каменный. Лишь один поздний источник конца XVII–XVIII веков, Вологодская летопись, относящая, как и ряд других поздних летописных сводов, основание монастыря к 1524 году, сообщает о строительстве в нем каменного собора: «и церковь соборную пречистые Богородицы каменную воздвиге» [10, с. 173]. В ранней путеводительной литературе советского времени были названы даже конкретные даты строительства этого собора (правда, в отношении существующего, считавшегося тогда сооружением 1525 года): закладка — 13 мая 1524 года, а освящение — 28 июля 1525 года [21, с. 16]. Источники таких точных определений неизвестны, но на них ссылались как на достоверные [39, с. 113]. Тем не менее летописи, различные по времени составления, указывают и на май, и на июль, но не дают при этом оснований для такой конкретизации. Так, краткий Московский летописец конца XVII столетия, опубликованный В. И. Бугановым, говорит об основании монастыря 8 мая 7030 (1522) года [7, с. 290]. Если

не обращать внимания на явно ошибочную датировку, что уже комментировалось В. Д. Назаровым [31, с. 267], то это единственное весьма позднее сообщение, конкретизирующее дату основания монастыря весной 1525 года. Более ранний источник, Типографская летопись, сообщает об освящении церкви монастыря в июле 1525 года, не называя числа [47, с. 222]. В. Д. Назаров выстроил аргументацию, обосновавшую вывод о том, что храм 1525 года мог быть только деревянным [31, с. 268]. К этому можно добавить, что в группе летописных сводов после известия об учреждении Новодевичьего монастыря подробно перечисляются каменные храмы, воздвигнутые в Москве в 1527 году², поэтому странным было бы их молчание о сооружении каменного храма в 1525 году в обетном монастыре великого князя.

Кроме того, следует еще раз обратить внимание на то, что духовная грамота великого князя, говорящая об исполнении обета по устройению монастыря в черте города «на Москве на посаде», на что впервые обратил внимание В. Д. Назаров [31, с. 268], была составлена в июне 1523 года. Для того чтобы в июле 1525 года освятить (на другом месте, за чертой города, что требовало тоже времени для принятия решения) даже маленький бесстолпный каменный храм, его надо было начать сооружать, включая подготовительные работы, сразу после составления Духовной грамоты 1523 года и возводить в течение двух строительных сезонов³. При этом все ранние источники устойчиво говорят об учреждении монастыря именно в 1525 году, а соответственно церковь должны были построить за один строительный сезон 1525 года, и соответственно она могла быть только деревянной [ср.: 31, с. 268].

Развеять это утверждение не может и миниатюра Лицевого летописного свода, изображающая в сцене основания обители одноглавый храм. Миниатюры свода имеют, за исключением изображения главных кремлевских соборов, условный характер. Считать изображение 1560–1570-х годов источником, по которому можно судить о материале храма 1525 года, не представляется возможным. Создавая миниатюру

2 О строительстве в 1527 году церковью Преображения Господня на дворе великого князя, церкви Георгия у Фроловских ворот, Бориса и Глеба на Арбате см.: [24, с. 46].

3 Так, церкви Владимира в Старых Садах и Благовещения на Старом Ваганькове были заложены весной 1514 года, а освящены: первая — 3 февраля, а вторая — 31 июля 1516 года [9, с. 141, 142]. Храм Рождества Богородицы на Сенях начали перестраивать весной 1514 года, а освятили 8 сентября 1516-го [9, с. 142, 143]. Храм Леонтия Чудотворца заложили в 1515–1516 годах, а завершили 12 сентября 1518-го [9, с. 142, 144].

со сценой основания обители, изограф преследовал цель локализации обители «у града Москвы, за посадом, близ монастыря святого Савы». (Ил. 1.) Изограф иллюстрировал конкретный текст, не домысливая его на основе неведомых ему во второй половине столетия знаний. В тех случаях, когда он писал миниатюры, сопровождающие известия о сооружении кирпичных храмов, он показывал кирпичную кладку⁴. (Ил. 2.) В случае, когда летопись сообщала о строительстве обydенной, то есть заведомо деревянной, церкви, он изображал плотников, рубящих ее сруб, но рисунок уже построенного храма не выявлял ее материал. (Ил. 3, 4.) Что же касается сообщения Вологодского летописца о сооружении каменного храма, то этот источник поздний и компилятивный. Его сообщения датированы нередко ошибочно. Так, рождение великого князя Ивана IV отнесено к 1522 году [10, с. 173] и т. д.

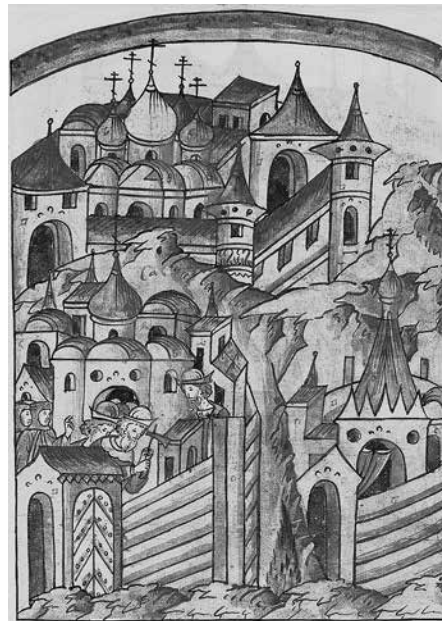
Следующая группа сообщений связана со строительством в монастыре в царствование Иоанна IV. Русский хронограф под 1550 годом сообщает о сооружении церкви во имя Рождества Богородицы, которая в том году обрушилась на завершающей стадии строительства:

Того ж лета в Новодевичьем монастыре, что на Дорогомилове, у церкви Рождества Пречистыя каменные верхи обвалилися, во июли месяцы, и до земли мост проломило, людей много побило, которые церковь делали [43, с. 531].

Другой источник — более поздний, и его сообщение о строительстве каменной церкви не датировано. Это эпитафия на белокаменной плите 1685 года над погребением царевны Анны Иоанновны в подклете Смоленского собора. В ее тексте указывалось на существование в монастыре каменной церкви, которая также могла быть отнесена к эпохе Иоанна IV:

Лет[a] 7058 июля в 20 ден[ь] преставися ц[а]р[е]вна и великая княжна Анна Иоанновна... а погребена была в сем м[о]н[а]ст[ы]ре в древяной церкви Богоо[те]ц[а] Иоакима и Анны, на том месте построена была церков каменная; а стояла не ос[вя]щена многие годы и тая церковь для ветхости разобрана...» [12, с. 30].

⁴ Например, о строительстве церковей Алевином Фрязиным в Москве Введения Богородицы за Торгом, Владимира в Старых Садах, Благовещения в Воронцове и других. См.: Шумиловский том. Л. 736–737 об. [25, с. 227–230].

1. О начале Нового монастыря Девича. Фрагмент миниатюры из Шумиловского тома Лицевого летописного свода. XVI в. Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, ОР F.IV.232. Л. 862

2. Заложены быша церкви каменны делати на Москве. Фрагмент миниатюры из Шумиловского тома Лицевого летописного свода. XVI в. Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, ОР F.IV.232. Л. 736

Эти два сообщения из разнородных источников оказались в историографии строительства в монастыре переплетенными друг с другом. На интерпретацию и их соотношение значительно повлияла запись в монастырских синодиках 1705 и 1710 годов [45; 49], датирующая обрушение собора во время строительства 1525 годом. В синодике 1705 года, исследованным и изданным в 1985 году В. Б. Павловым-Сильванским, указано поминовение: «В лето 7033-го году избивенных с храму, как строили соборную каменную церковь во святей обители сей, каменщиков 57 человек. Помяни господи: Нестора, Иоанна... Фомы» [45, с. 255–256 (Л. 58 об.)]. В поминании записано 54 человека, из них две женщины. Такая же запись существует и в Синодике редакции 1710 года.

3. И приехал царь и великий князь в субботу... и обложил храм святых праведных богоотец Иоакима и Анны... Фрагмент миниатюры из Царственной книги ОР ГИМ Син. № 149. Л. 330 [26, с. 397]

4. И дочь свою царевну Анну крестил... Фрагмент миниатюры из Царственной книги ОР ГИМ Син. № 149. Л. 330 об. [26, с. 398]

5. Того же месяца преставися царевна Анна..., а положена в Новом монастыре девичии... Фрагмент миниатюры из Царственной книги ОР ГИМ Син. № 149. Л. 346 [26, с. 431]

Сопоставление записи в Синодике 1710 года и сообщения Русского хронографа заставили одну из первых исследовательниц собора, Л. С. Ретковскую, предположить, что раз в 1525 году была построена каменная соборная церковь, дошедшая до нашего времени [42, с. 10], то запись в хронографе под 1550 годом относилась к другой, не сохранившейся церкви [42, с. 34, примеч. 28]. Если не обращать внимания на датировку существующего собора 1525 годом, что уже опровергнуто большинством исследователей (в других вопросах не соглашавшихся друг с другом), то такое отношение к записи 1550 года оказалось более устойчивым и получило продолжение в 1990-е годы.

Впервые сомнения в точке зрения Л. С. Ретковской сформулировал С. С. Подъяпольский. В своем докладе на Лазаревских чтениях 1988 года [39, с. 115] он указал на то, что текст летописи (Русского хронографа) по-

зволяет в общих чертах реконструировать облик храма, обрушившегося в июле 1550 года. Сообщение о проломившемся до земли «мосте» говорит о наличии подклета, а об обрушении «верхов», а не «верха», — о том, что храм был не одноглавым, а, скорее всего, пятиглавым. О больших размерах этого храма свидетельствует, по его мнению, и сам характер катастрофы, и большое количество погибших при этом каменщиков, о чем сообщает Русский хронограф. Подъяпольский указал, что летописное описание в целом совпадает с существующим собором. Однако он считал некорректным настаивать на идентификации летописного и существующего соборных храмов, поскольку обрушившееся здание могли разобрать и возвести затем заново. Но при этом в докладе была четко проведена мысль о том, что летопись сообщает об обрушении строившейся в 1550 году соборной церкви. Была исключена также возможность

ошибки летописца, назвавшего престол освященным во имя Рождества Богородицы, а не во имя Смоленской иконы Богоматери. С. С. Подъяпольский справедливо указал, что возникающее у нас недоумение означает лишь недостаточную изученность истории посвящений собора. Храм мог быть назван по одному из приделов. Кроме того, могло иметь место и последующее изменение посвящения соборного престола, как это было с собором в Вологде, ставшим из Успенского Софийским [39, с. 115].

Итак, казалось бы, был дан окончательный ответ, к какому событию относится известие Русского Хронографа под 1550 годом. Однако указание на неизвестную каменную церковь в эпитафии 1685 года сыграло свою неожиданную роль. Именно эту неизвестную каменную церковь В. В. Кавельмахер отождествил с летописным храмом Рождества Богородицы. По его мнению, каменная церковь на месте деревянной была заложена сразу после похорон царевны, осенью 1550 года, а строили ее на протяжении лета 1551 года, вплоть до июля, когда по его мнению, произошла катастрофа. Возникающую при этом проблему с посвящением автор решал достаточно просто: престол Иоакима и Анны был переосвящен во имя Рождества Богородицы, поскольку после смерти царевны необходимости в храме, посвященной ее патрональной святой, не было [17, с. 160]. Далее автор реконструировал и облик этого храма. Здесь выстраивается логическая схема: ближайшим аналогом храму Рождества Богородицы является, как считает автор, церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи в Дьякове. Поэтому, заявляет автор, «а что если царь поставил над царевною нечто подобное дьяковскому храму, например, с уширенным основанием и с конструктивно опасным шатровым верхом и, разумеется, без многочисленных приделов (или с одним — Иоакима и Анны)?». Тогда, продолжает он, объясним и «факт падения... церковных верхов» [17, с. 163]. Этот шатровый храм и изображен, согласно версии Кавельмахера, на Несвижском плане. Здесь в центре монастыря изображена огромная шатровая церковь [17, с. 165]. (Ил. 6.)

Разберемся сначала еще раз в том, мог ли в 1550 году⁵ частично обрушиться какой-нибудь храм, кроме соборного, могла ли это теоретически быть каменная церковь, которую упоминает эпитафия

5 Прежде всего падение «верхов» храма произошло в июле 1550 года, а не в 1551-м. Известие о строительной катастрофе поставлено в центре перечня событий июля 7058 (1550) года и нет оснований сомневаться в том, что оно также относится к тому же времени [4, с. 604–605].

1685 года? Что можно выделить в качестве достоверного в тексте поздней по отношению к событиям XVI столетия эпитафии? По летописным источникам действительно известно, что в монастыре в 1549 году была построена обыденная церковь во имя святых Иоакима и Анны, патрональной святой царевны. Летопись и разрядная запись подробно описывают ее закладку в субботу и освящение в Неделю, когда было совершено крещение царевны Анны Иоанновны [24, с. 158; 16, с. 257]. О том, что церковь обыденная была деревянной, подробно описывает разрядная запись, опубликованная И. А. Жарковым: «Августа же в 17 день в субботу после стола царь... поехал в Новой Девичей монастырь и поставил... церковь древяную обыденную во имя... праведных боготец Иоакима и Анны... А назавтреи в неделю на другом часу дни велел царь... церковь обыденную святи, а дочь свою Анну велел крестити» [16, с. 257]. Так же на миниатюре Лицевого летописного свода на фоне пятиглавого собора изображена одноглавая церковь и показана сцена возведения ее сруба плотниками. (Ил. 3.)

Насколько достоверно известие эпитафии о том, что царевна Анна была похоронена в обыденной церкви святых Иоакима и Анны, которая достоверно существовала в монастыре с 1549 года? Заметим, что ни одна летопись не сообщает о месте захоронения царевны Анны в 1550 году. Все они говорят просто о погребении в Новодевичьем монастыре [23, с. 59; 2, с. 158; 43, с. 531]. Указание на захоронение в этой церкви, а не в усыпальнице под собором существует только в тексте эпитафии 1685 года, достаточно удаленного по времени от скорбного события. Также и на миниатюре Лицевого свода изображен саркофаг с телом царевны, стоявший на фоне пятиглавого собора. (Ил. 5)

Попытка же доказать, что в известии 1550 года речь идет о шатровом сооружении, не приводит к достоверному результату из-за самого текста Русского хронографа, сообщающего о падении «верхов» церкви. Анализ аналогичных указаний летописей убеждают нас в существующей дифференциации: когда летописное известие сообщает о падении «верха», речь идет о заведомо одноглавом сооружении. Использование слова «верхи» во множественном числе может относиться только к многоглавому храму. Сама мысль о существовании шатрового сооружения, подобного церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи в Дьякове, основана лишь на изображении на Несвижском плане, схематичном, как и другие подобные аксонометрические планы, в изображении построек вне Кремля и собора Покрова Богородицы на Рву. (Ил. 6.)

Изограф лишь обозначил постройки в монастыре, не преследуя цель отразить реально существующие формы храма. Кроме того, в 1611 году, когда был исполнен Несвижский план, в центре монастыря находился существующий ныне собор, который был бы изображен, если бы изограф преследовал цель реалистической передачи форм зданий. Укажем также на то, что следы какого-нибудь каменного храма XVI или XVII века не были обнаружены на тех участках монастыря, которые были исследованы археологической экспедицией под руководством Л. А. Беляева. Версия же о том, что этот храм находился на месте существующей колокольни⁶, также опровергнута археологическими изысканиями. Выяснилось, что колокольня практически стоит вне территории монастыря в XVI столетии [6, с. 193, рис. 1]. Следует обратить внимание и на описание монастыря, сделанное архидиаконом Павлом Алеппским в 1656 году: «Этот монастырь большой, окружен огромной стеной с десятью башнями и стоит на высоком месте... Он имеет двое больших ворот и лежит с западной стороны города. В нем две церкви» [36, с. 376]. Очевидно, что две увиденные им церкви — это собор и теплая церковь при трапезной. Собор он подробно описывает. В описании другого посещения монастыря упоминается и трапезная: «Затем они предшествовали ему [Патриарху Макарию. — А. Б.] с пением в трапезную, где мы сели по принятому порядку» [36, с. 514].

История каменной церкви из эпитафии 1685 года достаточна туманна. О ее закладке и освящении в XVI веке нет данных. Текст эпитафии «на коем месте построена была церковь каменная» не указывает на то, что каменный храм был построен при Грозном. Слова «а стояла не освящена многие годы» для 1685 года могут означать и время Михаила Феодоровича, и начало царствования Алексея Михайловича. Во всяком случае, они не могут служить указанием на стояние храма «без пения» почти полтора столетия. Он мог сгореть в 7119 году, когда, по словам ряда летописцев XVII века, произошло разорение обители: «В та же время прииде Понизовая сила под Москву и Новой Девичей монастырь взяша и инокинь из монастыря выведоша в табары и монастырь разориша и выжгоша весь, старицы же послаша в монастырь в Володимер» [34, с. 113; 28, с. 155].

6 Впервые эта мысль была высказана Ю. М. Овсянниковым [35, с. 3], с которым В. В. Кавельмахер согласился [17, с. 165].

6. Томаш Маковский. Новодевичий монастырь. Фрагмент Несвижского плана. 1611
Национальный музей, Познань

Существование каменного храма, который теоретически мог сменить обыденную деревянную церковь, не означает, что его посвящение было упразднено после кончины царевны. Рассуждения о том, что после ее смерти посвящение Иоакиму и Анне перестало быть актуальным, не поддерживаются средневековой практикой. Обратимся в связи с этим к одному малоизвестному примеру строительства в связи с рождением царевны храма во имя святых богоотец Иоакима и Анны, но не в Москве, а в Великом Новгороде. Под 7058 годом в НВЛ говорится об обретенной некрополю при строительстве новой каменной дьячей избы, о чем архиепископ Феодосий направил в Москву сообщение. В ответ великий князь «велел туто быти церкви во имя Иакима и Анны, понеже в то время родися дочь Анна; а дьячью поставили на великого князя

дворе за Иерусалимом» [33, с. 621–622]. Далее летопись сообщает уже об освящении каменного храма 9 декабря 7058 (1549) года и положении в нем найденных останков, «которых тела не распалися». Летописец, видимо, допускает хронологическое «сжатие» событий, поскольку царица Анна родилась в августе 7057 (1549) года, а храм освятили почти через три месяца. Вероятно, повеление об освящении престола во имя святых Иоакима и Анны последовало тогда, когда каменное строительство было уже начато. К сожалению, это единственное сообщение о возведении этого храма [37, с. 59–61]. По описи Великого Новгорода 1617 года установлено, что придел церкви Иоакима и Анны был освящен во имя «святых младенцев от Ирода избивенных» [37, с. 60]. Выбор такого посвящения придела в храме, связанном с царевной Анной, мог быть обусловлен ее поминовением после кончины во младенчестве. Таким образом, Новгородский пример существования подобного храма вплоть до второй половины XVII века⁷ опровергает смелую мысль о потере актуальности престола во имя святых, связанных с умершей царевной.

Возвращаясь к строительной трагедии 1550 года, описанной в Русском хронографе, укажем, что каменный храм, упомянутый в эпитафии 1685 года, во всех случаях не мог быть сооружением, описанным в летописи под 1550 годом. Не только из-за соборной типологии здания, что становится очевидным из описания катастрофы, но также из-за сроков строительства. Можно ли было заложить храм, описанный в летописи, в строительный сезон 1549 года и практически закончить его к июлю 1550 или даже 1551 года? В этом случае осенью 1549 года должны были устроить кирпичные сараи для обжига кирпича, выкопать ямы для гашения извести, заготавливать бут для фундамента, копать фундаментные рвы и в лучшем случае только весной 1550 года начать строительство. За год построить значительных размеров многоглавый храм невозможно. Подобной скорости не было и во времена расцвета кремлевского строительства при итальянских архитекторах⁸. Для того чтобы завершить этот собор вместе с барабанами к 1550 году, его должны были начать возводить не позднее 1546–1547 года, т. е. задолго до рождения и кончины царевны Анны.

7 По мнению Д. А. Петрова, церковь был упразднена между 1675 и 1700 годом [37, с. 60].

8 Алевиз Новый строил Архангельский собор с 1505 по 1508 год. Значительно меньший по размерам собор Вознесенского монастыря строили с 10 августа 1518 по 9 мая 1521 года [9, с. 143].

Реставрационные исследования подтвердили существование двух строительных периодов, незначительно отделенных друг от друга по времени в существующем соборе, что указывает на достоверность сообщения летописи о трагедии, связанной со строительством соборного храма. Но главным свидетелем строительной катастрофы 1550 года в действительности является отвергаемая всеми запись в Синодиках 1705–1710 годов. За исключением указания года (7033) запись о поминовении обладает важным доказательством достоверности известия в Русском хронографе. Для аргументации этой мысли нам придется обратиться к истории синодичных поминовений подобного рода.

Запись о погибших каменщиках при строительстве храма уникальна для синодиков и кормовых книг лишь по обстоятельствам гибели поминаемых. Коллективные списки погибших встречаются достаточно регулярно в различных Синодиках. О необходимости поминовения убиенных и умерших при несчастных случаях говорят предисловия к Синодикам, включающие молитву св. Кирилла Иерусалимского, по видимому, переведенную преп. Нилом Сорским, перечисляющую различные виды смерти [14, с. 27–28]. В XVII столетии перечень причин нечаянной смерти значительно расширяется и среди них мы находим поминовение «с высоты гор спавших и с храмин и с древес» [13, с. 91]. Подобная общая память, видимо, при переписывании синодика включенная не в предисловие, а поставленная среди поименных записей, присутствует и в Синодике Новодевичьего монастыря 1705 года: «Помяни Господи души с высоты гор спавших и с храмин и с древес и с коней избившихся и всячески нуждную смерть приемщих» [45, с. 220].

Регулярное поминовение убиенных в Синодиках связано с указом Иоанна IV. В 1548 году, 21 июня, царь по благословению митрополита Макария установил общую память по всем православным христианам «от иноплеменных на бранех и на всех побоищех избивенных и в плен сведенных, гладом и жаждою, наготою и мразом и всяческими нуждами измерших, и во всех пожарах убиенных и огнем скончавшихся, и в водах истопших...» [1, с. 208]. Существует мнение, что этот указ связан с массовой гибелью москвичей во время летних пожаров 1547 года [29, с. 374]. Как считала М. Е. Бычкова, с соборным решением было связано и появление «Синодика по убиенным во брани», систематические записи в котором начинаются с Казанского похода 1547–1548 годов [8, с. 168–169]. Записи по убиенным включены и в известный Синодик московского Успенского собора. В этом Синодике и других встречаются поминовения

убиенных ранее указа 1548 года, например, погибших в XIV–XV веках во время «нахождения Ольгердова», «избиенным от безбожных татар на Воже» [15, с. 450], «убиенным от безбожного Мамая», «от прелестнаго взятъя богомерзкаго Царя Тахтамышя славнаго сего града Москвы», «от безбожныя Литвы», «от безбожнаго Едигея» [15, с. 451], «избиенным в Суздале от безбожнаго Мамутека» [15, с. 459]⁹, нашествий Седи-Ахмата и т. д. с поминовением конкретных имен. Все перечни погибших с указанием конкретных битв и нашествий помещены без конкретных дат. Датировки описываемых событий начинаются с похода на Казань в 7056 (1547–1548) году [15, с. 468–469]¹⁰, включая более обширное по числу имен поминовение убиенных в походе 7058 (1549–1550) года, выделенном в отдельную статью без даты, озаглавленную «О зимнем хождении на Казань» [15, с. 469–773]. Следующее датированное поминовение связано с летним победоносным Казанским походом 7060–7061 (1552) годов [15, с. 473–481].

От Синодика Успенского собора несколько отличается иной список «Синодика по убиенных во брани», опубликованный М. Е. Бычковой. Здесь после списка убиенных во время похода на Казань 7056 (1547–1548) года поставлена запись об убийстве на площади в 6864 (1356) году московского тысяцкого Алексея Петровича Хваста (Хвоста) [8, с. 175]. Возникает ощущение, что эта запись, как и предисловие к поминовению убиенных во время летнего похода на Казань, заимствованы из официальной летописи. Далее идут записи как недатированные, так и датированные и не связанные с убиенными.

Поминовение убиенных или погибших от эпидемий с датами событий известны по Синодикам различных монастырей, но они относятся уже к XVII столетию. Например, в Синодике Подстенном Кирилло-Белозерского монастыря записано было поминовение по слугам монастырским «преставилися во 142 [1633] году и побиты от Литвы на государеве службе в Дорогобуже» с поминовением 22 имен, «по монастырских людех, которые на государеве службе под Смоленском преставилися и на боях побиты 163 [1655] году» с перечислением 16 имен, а также по «монастырских людех, которые на Москве на Кирилов-

9 См. также в Кормовой книге Троице-Сергиева монастыря 1674 года «Корм по Суздальском побоище. Поминают изстари по сселнику... и с сими всех побоиенных» [18, с. 230].

10 См. также описание коллективных поминовений убиенных и погибших голода в Троицком Синодике 818 [32, с. 144].

ском подворье в прошлом во 162 [1654] в моровое поветрие померли» или «В 79 [1671] году. Имена младенцем, которые померли в голышне», а также «слуги Кирилова монастыря, которые побиты и в полон взяты... под... Конотопом во 167 [1659] июня в 28 день» [19, с. 222–223]. Подобные поминовения были и в Синодике Новодевичьего монастыря 1705 года. С указанием даты были записаны поминовения погибших под Конотопом: «Во 167 году, июня в 28 день, побиты на государеве службе... под Конотопом, полку боярина и воеводы князя Алексея Никитича Трубецково с товарищи...» [45, с. 241]. Были записаны имена 77 погибших. С упоминанием года были записаны и погибшие в июле 1737 года¹¹.

Во Вкладной книге Новодевичьего монастыря 1674/1675 (7183) года нет записей о вкладе на поминовение «избиенных с храму». Таких записей нет и о поминовении побитых полка князя А. Н. Трубецкого. Вероятно, поминовение убиенных на государевой службе производились по указу Патриарха¹². О том, на каких основаниях записывали «избиенных с храму», можно судить по записи в «подстенном» Синодике Кирилло-Белозерского монастыря: «Писаны дворовые люди пришлые, которые приходили из монастырских сел и из ыных волостей и из Новгородчины. Разорены от литовских людей и от черкас. И те люди в монастыре труждались Бога ради. А иные и померли. А отдати им по себе нечево, чтобы в Сенадик написати. И которые крестьяне Подмонастырные побиты з женами и з детми от тех же литовских людей и от черкас. И игумен Флавиан [1615], и келарь Боголеп, и казначей Мартемьян, и соборные старцы пожаловали велели их писати в Сенадик Бога ради» [19, с. 223]. Такое же распоряжение, возможно, было сделано и игуменией Новодевичьего монастыря в 1550 году, что соответствовало и указу царя Иоанна IV и митрополита Макария.

Таким образом запись «В лето 7033-го году избиенных с храму, как строили соборную каменную церковь во святей обители сей, каменщиков 57 человек. Помяни господи...» [45, с. 255] вписывается в традиционный ряд подобных поминовений. Не характерно для ранних

11 «1737 году месяца июля. Помяни господи убиенных: Михаила, Иоанна, Николая, Гавриила, Ирины» [45, с. 242].

12 Например, см. в Кормовой книге Троице-Сергиева монастыря 1674 года: «Сеи корм учинен во 1591 году октября в 6 день по государеву... Алексея Михайловича... указу и прислана грамота великого господина... Иосифа, Патриарха... велено учинити по убиенных, которые побиты на государеве службе подо Псковом... 158-м году, и имяна их присланы под патриаршею грамотою» [18, с. 237].

записей указание даты события. Вероятно, первоначально запись была сделана без даты, как это делали в ранних Синодиках, а затем при его более позднем обновлении записали недостающую дату, ориентируясь на представления о строительстве каменного храма в год учреждения монастыря. Это обстоятельство и породило затем, уже в XX веке, определенную историографическую традицию. Тем не менее, несмотря на дату 7033 год, запись в Синодике 1705 года конкретизирует масштаб трагедии. Примеры других коллективных поминовений с поименным перечислением убиенных, содержащиеся в разных Синодиках, говорят нам о том, что перед нами реальный список погибших при падении сводов и глав монастырского собора. Заметим, что включение в него двух женских имен только усиливает его подлинность¹³. Появление в синодике такой записи характерно для периода после 1548 года.

Итак по источникам, археологическим и реставрационным исследованиям в монастыре известен только один каменный собор, который должны были заложить в 1546–1547 и завершили практически к июлю 1550 года, когда произошло его частичное обрушение, а затем восстановление обрушившихся частей. Существовал, видимо, деревянный сначала, а затем, возможно, перестроенный в кирпиче трапезный, теплый храм, описанный в уже цитированном Постниковском летописце («да теплая церковь Амбросей Медиоламский») и указанный при посещении монастыря архидиаконом Павлом Алеппским. Нуждается в обсуждении также вопрос, не эта ли церковь фигурирует в разрядной записи, в которой есть одна странность при описании храма, в котором крестили царевну Анну: «И церковь святил спаской архимарит Нифонт, а царевну Анну крестил в теплои церкви игумен Троецкой Сергиева монастыря Серапион» [16, с. 257]. По последовательности изложения составитель книги имел в виду деревянную церковь Иоакима и Анны, но в предшествующем тексте он не называет ее теплой. Возникает вопрос, каждая ли деревянная церковь была теплой или это относится к отапливаемой церкви Амвросия Медиоланского. Кроме соборного каменного храма с приделами и трапезного комплекса, скорее всего, деревянного, около 1550 года, в монастыре достоверно известна в XVI столетии только деревянная обydенная церковь Иоакима

13 Благодарю за указание на этот факт С. В. Николаеву, анализировавшую подобные включения в братском синодике Троице-Сергиева монастыря 1575 года.

и Анны. Вряд ли она могла быть перестроена в 1550 году, когда возникла необходимость завершения строительства соборного храма. Если это и произошло, то уже после завершения строительства собора, например тогда, когда в монастыре начинается новый этап строительства. Он достоверно отмечен возведением предположительно во второй половине 1560-х годов¹⁴ кирпичной шатровой церкви подмонастырской слободы во имя Усекновения главы Иоанна Предтечи, упомянутой, возможно (или ее деревянный предшественник), в Постниковском летописце. В этот период мог быть построен и каменный трапезный комплекс с храмом Амвросия Медиоланского. Подобная гипотеза подкрепляется аналогией — строительством в 1550–1560-е годы каменного трапезного комплекса в другой общежительной девичьей обители в Москве, Алексеевском монастыре¹⁵.

В самом конце XVI века была построена и еще одна церковь, посвящение которой неизвестно. О ней сообщает ряд летописей, описывающих уход царицы Ирины Федоровны, вдовы царя Феодора Иоанновича, в Новодевичий монастырь. Об этом сообщает Новый летописец: «...и в том монастыре она государыня пострижеся... и пребываше... в келие своей от пострижения и до преставления своего, кроме церкви Божией нигде не хоуждаше; а церковь поставлена была у ней, государыни, у угла келейнова» [34, с. 50]¹⁶. Заметим, что Пискаревский летописец, подробно описывающий все строительные мероприятия в царствование Бориса Годунова, в том числе и роспись Смоленского в Новодевичьем монастыре [38, с. 202], молчит о сооружении каменных палат и храма для царицы Ирины в инокинях Александры.

Таким образом, на основании реставрационных и археологических данных, а также систематизации текстовых источников можно заключить, что собор, созданный в конце 1540-х — начале 1550-х

14 Облик храма известен прежде всего по наиболее подробному его изображению на акварели второй половины XVIII века (впервые опубликована В. В. Косточкиным, см.: [20, с. 29]). Особенности ее композиционного построения позволяют отнести ее сооружение ко времени не ранее конца 1550-х — начала 1560-х годов, когда был завершен центральный придел собора Покрова на Рву, явно повлиявший на композицию подобных храмов. Наиболее близкой аналогией [3, с. 166] является церковь Никиты Мученика в Елизарове 1566–1567 годов, вотчине А. Д. Басманова.

15 Открыт экспедицией под руководством Л. А. Беляева. Выводы о датировке см.: [5, с. 439].

16 Это же сообщение повторяет в несколько иной редакции Латухинская Степенная книга: «И пребываше в той обители до кончины своея неисходно, церковь же постави себе возле единого угла келии своея...» [22, с. 590 (л. 915)].

годов, — видимо, единственное достоверно нам известное каменное сооружение в новом ружном великокняжеском и царском богомолии до 1560-х годов, когда начинается строительство церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи за стенами монастыря. Вопрос о строительстве в середине — второй половине столетия трапезного комплекса, как и определение масштабов строительства в конце XVI века (возведение каменной ограды монастыря, поиск следов келейного корпуса с храмом царицы Ирины Годуновой), должен стать темой отдельного исследования, базирующегося прежде всего на данных археологии.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Акты Археографической экспедиции. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Вел. канцелярии, 1836. Т. I. С. 208.
2. Александро-Невская летопись // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). М.: Наука, 1965. Т. 29. С. 117–223.
3. Баталов А. Л. Московское каменное зодчество конца XVI века. Проблемы художественного мышления эпохи. М.: Мейкер, 1996.
4. Баталов А. Л. К полемике о датировке собора Новодевичьего монастыря в Москве // Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. К 2000-летию христианства. М.: Северный паломник, 2005. С. 599–620.
5. Беляев Л. А., Елкина И. И. Открытие каменной трапезной палаты XVI века в Зачатьевском Алексеевском монастыре // Образ христианского храма. Сб. статей по древнерусскому искусству к 60-летию А. Л. Баталова / Сост. Л. А. Беляев, Вл. В. Седов. М.: Арткитчен, 2015. С. 416–452.
6. Беляев Л. А., Глазунова О. Н., Григорян С. Б., Елкина И. И., Шуляев С. Г. Археология Московского Новодевичьего монастыря // Российская археология. 2019. № 4. С. 192–207.
7. Буганов В. И. Краткий Московский летописец конца XVII в. из Ивановского областного краеведческого музея // Летописи и хроники. 1976. М.: Наука, 1976. С. 283–293.
8. Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. Историко-генеалогическое исследование / Отв. ред. С. М. Каштанов. М.: Наука, 1986.
9. Владимирский летописец // ПСРЛ. Т. 30. М.: Наука, 1965. С. 7–146.
10. Вологодская летопись // ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1982. С. 160–193.

11. Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т. VIII. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1856.
12. Гиришберг В. Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII веков. Ч. I. Надписи XIV–XVI веков // Нумизматика и эпиграфика. 1960. Вып. I. С. 3–77.
13. Дергачева И. В. Синодик с литературными предисловиями: история возникновения и бытования на Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 2 (4). С. 89–96.
14. Дергачева И. В. Древнерусский Синодик, исследования и тексты. М.: Круг, 2011 (Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VI).
15. Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе: собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся / Изд. Николаем Новиковым; изд. второе, вновь исправленное, умноженное и в порядок хронологической по возможности приведенное. М.: В типографии Компании Типографической, 1788. Ч. VI.
16. Жарков И. А. Малоизвестная разрядная запись середины XVI века // Археографический ежегодник за 1961. М.: Изд. АН СССР, 1962. С. 255–258.
17. Кавельмахер В. В. Когда мог быть построен собор Смоленской Оидитрии Новодевичьего монастыря? // Новодевичий монастырь в русской культуре. Материалы научной конференции 1995 г. / Отв. ред В. Л. Егоров. М.: ГИМ, 1998. С. 154–179 (Труды ГИМ. Вып. 99).
18. Кириченко Л. А., Николаева С. В. Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. (Исследование и публикация). М.: Индрик, 2008.
19. Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI–XVII веках. Публикация: Синодичное Предисловие, Книга кормовая, Синодик Кормовой / Подг. текстов и исслед. Т. И. Шабловой. СПб.: Реноме, 2012.
20. Косточкин В. В. Государев мастер Федор Конь. М.: Наука, 1964.
21. Крапоткина Е. С. Историко-художественный и бытовой музей «б. Ново-Девичий М-рь». Путеводитель / Под ред. и пред. А. С. Лосева. М.: Изд. Музея, 1928.
22. Лагухинская Степенная книга. 1676 год / Изд. подг. Н. Н. Покровский, А. В. Сиренов; отв. ред. Н. Н. Покровский. М.: Языки славянской культуры, 2012.
23. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича // ПСРЛ. Т. 29. М.: Наука, 1965. С. 9–116.

24. Летописный сборник, именуемый Патришею или Никоновскою летописью // ПСРЛ. Т. XIII (1). СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1904. С. 1–302.
25. Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Кн. 18. 1503–1527 гг. М.: Актеон, 2014.
26. Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Кн. 20. 1541–1545 гг. М.: Актеон, 2014.
27. Львовская летопись // ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1910.
28. Мазуринский летописец // ПСРЛ. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. М.: Наука, 1968. С. 12–179.
29. Макарий, архим. (Веретенников), Флоря Б. Н. Макарий // Православная энциклопедия. Т. 42. М.: ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2016. С. 368–390.
30. Мосунов Ю. П., Евдокимов Г. С. Смоленский собор Новодевичьего монастыря. Архитектурно-археологические исследования 2013 года // Образ христианского храма. Сб. статей по древнерусскому искусству к 60-летию А. Л. Баталова / Сост. Л. А. Беляев, Вл. В. Седов. М.: Арткитчен, 2015. С. 277–305.
31. Назаров В. Д. Введение. Новодевичий монастырь // Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV – начала XVII в. М.: Янус-К, 1998. С. 267–278.
32. Николаева С. В. Список поминаний опальных царя Ивана Грозного в синодиках Троице-Сергиева монастыря // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы III Международной конференции, 25 сентября – 27 сентября 2002 г. Сергиев Посад: Весь Сергиев Посад, 2004. С. 141–151.
33. Новгородская 4-я летопись. Список Н. К. Никольского // ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. М.: Языки русской культуры, 2000.
34. Новый летописец // ПСРЛ. Т. XIV. Первая половина. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1910.
35. Овсянников Ю. М. Ново-Девичий монастырь. М.: Искусство, 1968.
36. Павел Алеппский, архидиакон. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / Пер. с араб. Г. Муркоса. М.: Об-во сохранения лит. наследия, 2005.
37. Петров Д. А. Проблемы исторической топографии Новгорода // Новгородские древности. Вып. IV. М.: Изд. Об-ва историков архитектуры, 1999 (Архив архитектуры. Вып. X).

38. Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М.: Наука, 1978. С. 31–220.
39. Подъяпольский С. С. О времени возведения Смоленского собора Новодевичьего монастыря. Доклад на Лазаревских чтениях в МГУ 5 февраля 1988 года. Опул.: Подъяпольский С. С. О времени возведения Смоленского собора Новодевичьего монастыря // Подъяпольский С. С. Историко-архитектурные исследования. Статьи и материалы. М.: Индрик, 2006. С. 111–124.
40. Предисловие // ПСРЛ. Т. 34. М.: Наука, 1978. С. 3–7.
41. Постниковский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М.: Наука, 1978. С. 8–30.
42. Ретковская Л. С. Смоленский собор Новодевичьего монастыря / Под ред. Н. Н. Воронина. М.: Госкультпросветиздат, 1954 (на авантитуле и титуле – 1955). (Труды ГИМ. Памятники культуры. Вып. XIV).
43. Русский Хронограф // ПСРЛ. Т. 22. Ч. I. Приложение II. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1911.
44. Салмина М. А. Постник Губин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV – XVI в. Ч. 2. Л–Я. Л.: Наука, 1989. С. 300.
45. Синодик 1705 года Московского Новодевичьего монастыря // Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. Из архива Московского Новодевичьего монастыря. М.: Институт истории АН СССР, 1985. С. 211–290.
46. Степенная книга царского родословия // ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1913.
47. Типографская летопись // ПСРЛ. Т. 24. Пг.: 2-я Государственная типография, 1921.
48. Тихомиров М. Н. Записки о регенстве Елены Глинской и боярском правлении 1533–1547 гг. // Тихомиров М. Г. Русское летописание. М.: Наука, 1979. С. 167–183.
49. Чистякова М. В. Синодик Новодевичьего монастыря 1710 г. как исторический источник // Новодевичий монастырь в русской культуре. Материалы научной конференции 1995 г. / Отв. ред. В. Л. Егоров. М.: ГИМ, 1998. С. 114–128 (Труды ГИМ. Вып. 99).